

РЕВЕЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Редакция: Ревель, Ратушная площадь № 17. Контора: Большая Юхтимагская № 2. Тел. 25-11.
Редакторъ принимаетъ — отъ 1—3 час. ежедневно.

Объявленія: на 1 стр. и въ текстѣ — 8 м., на 4 стр. — 3 м. за 1 мн.лнн.
Пріемъ объявленій: отъ 10—4 ч.

№ 15.

Ревель. Понедѣльникъ, 27-го Іюля 1925 г.

Годъ изданія I.

РОССІЯ ЗА РУБЕЖОМЪ.

Письма островитянина.

VI.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

„Вишневый садъ“ Чехова въ исполненіи англичанъ въ Лондонѣ. Имѣть замѣтный успѣхъ, не смотря на то, что многое кажется страннымъ и остается непонятнымъ. Критики, въ большинствѣ, находятъ пьесу тигучей и лишеной темы. Разговоры, разговоры и разговоры. Публика? Я сидѣлъ въ гущѣ задней, демократической, половинны партера. Интересъ и живое любопытство, съ которымъ эти зрители слѣдили за представленіемъ, меня поражали. Я, однако, вовсе не собираюсь писать театральную рецензію и мнѣ хочется только подѣлиться мыслями, навѣянными на меня пьесой—признаюсь, хорошо забытой, — и всей окружающей обстановкой.

Чеховъ принадлежалъ къ тѣмъ русскимъ быто-писателямъ, которые съ какой то особенной любовью останавливались на отрицательныхъ типахъ и характерахъ. Его влекло къ себѣ все вялое, больное, изломанное. Если не ошибаюсь, онъ самъ называлъ одинъ изъ своихъ сборниковъ „Сѣрые люди“ или что то вродѣ этого. Онъ и изобразилъ эпоху какой то безысходной пустоты. Не характеры, не люди, не жизнь, а маріонетки, бессмысленно двигающіяся въ позинялахъ кулисахъ. Вотъ и „Вишневый садъ“. Я смотрѣлъ теперь

пьесу новыми глазами и думалъ: что здѣсь правда и что неправда? Неужели дѣйствительно существовали въ Россіи люди до такой степени „никчемные“, при томъ вовсе не глупые и считающіеся господами положенія. Какъ это случилось, что они были, если только это не злая каррикатура?... Сосѣди мои, практическіе англичане и жизнерадостные спортсмены, никакъ не могли примириться съ фигурами баръ, усердно подрубающихъ сукъ, на которомъ они держались. Подрубающихъ его съ пассивной рѣшимостью, идущіе ко дну безъ борьбы и попытокъ выплыть. Очевидная симпатія зрителей сразу оказалась на сторонѣ деревенскаго кулака. „Единственный настоящий человѣкъ во всей пьесѣ“, съ досадой сказала моя сосѣдка. „Вотъ это я понимаю,“ сказалъ кто то, выслушавъ энергичную и дѣловую реплику сына бывшего крѣпостного, расправляющаго крылья; мужика, подминающаго подъ себя ибѣстную округу. „Кулакъ“ былъ единственнымъ типъ, понятный „business like“ представленію англичанина. Все остальное казалось имъ (да, пожалуй, и мнѣ) какой то восточной фантазіей. Нѣчто вродѣ сказочнаго тона, на который падала грубая и реальная тѣнь живого существа—человѣка, знающаго твердо,

чего онъ хочетъ; со здоровыми мускулами, требующими работы; умѣющаго находить эту работу около себя и не пытающагося рѣшать задачи въ планетарномъ масштабѣ.

Фонъ, конечно, красивый. Фигура человѣка чужая ему. Лучше его бы не было. Но такъ какъ реальный человѣкъ пришелъ, и, повидимому, не уйти, то ничего не остается для гармоніи, какъ переменить декорацию сказки на живую обстановку; въ ней „человѣкъ“ сольется и перестанетъ быть неприятнымъ пятномъ.

Если Чеховъ былъ не далекъ отъ правды, мы должны избѣжать повторенія такой правды. Чувствуя себя высланными за границу, чтобы чему нибудь научиться, замѣтимъ себѣ это: здѣсь, на западѣ, никто не философствуетъ, сложа руки. Тутъ дѣйствуютъ какъ поучеши тіе изъ „Вишневаго сада“ — хочешь быть господиномъ положенія, доставай его.

Хотя и не обѣщавъ не писать рецензій, но все же не могу не рассказать про ошибку въ постановкѣ, которая могла пройти незамѣченной только для тѣхъ, кто никогда не былъ въ Россіи. Барышня, похожая, по пьесѣ, на „моянанику“, была одѣта какъ заправская англиканская монахиня съ бѣлымъ платкомъ на головѣ, торчащимъ коломъ. Мужики, шесшіе сундуки, были

въ красныхъ шароварахъ. Пожилой баринъ, полжизни проводившій въ западной Европѣ, прибѣгаетъ изъ Парижа, прямо со станціи, въ длинноволомъ сюртукѣ, бѣломъ жилетѣ и красномъ галстукѣ „бабочкой“. Вообще этотъ баринъ въ исполненіи англичанъ совсѣмъ не удался. Выѣто чудаковатаго, но не глупаго бездѣльника получился шутъ гороховый, и при томъ неинтересный. „Вѣчный“ студентъ зимой одѣвается въ бѣлое парусиновое пальто съ металлическими пуговицами.

Забавная дѣл яковы русскія бытовые черточки: дѣвка-горничная отплевываетъ кадриль и вальсъ имѣетъ съ хозяевами и гостями въ бальной залѣ барскаго дома. По окончаніи кадрили дирижеръ провозглашаетъ: *remetsez vos dames*, и кавалеры и дамы становятся другъ передъ другомъ на колѣни.

Странно, что режиссеръ, ставя такую пьесу, не использовалъ совѣтовъ—если не русскихъ, живущихъ въ Лондонѣ,—то хотя бы англичанъ, жившихъ годами въ Россіи. Или это подыгрыванье подъ принятую здѣсь фантазію о Россіи, и чѣмъ я говорю въ своемъ первомъ письмѣ, и волъ желанье публики видѣть какой то необыкновенный „русскій бытъ“?

22 іюля 1925 г.
Лондонъ.

Б. В. Г.